

*Л. В. ЛЕВШУН кан. фил. н. ст. науч. с.
ин-та литературы им. Я. Купалы НАНБ*

**ИСТОРИОСОФИЯ ИЛАРИОНА КИЕВСКОГО:
«СИМВОЛИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ»
И ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ**

Синкретизм как атрибут средневековой культуры, так или иначе, проявляется во всех ее сферах: церковно-государственной, мировоззренческой, конфессионально-политической, художественно-жанровой и т. д. Но, думается, наиболее актуальным, точнее — наиболее актуализируемым, для современного медиевиста представляется синкретизм художественно-познавательный — неслиянное соединение художественного творчества (во всех мыслимых его видах) и познания (во всех мыслимых его сферах). Творчество и гносис, по единому убеждению отцов церкви, смы-

каются на том основании, что вся структура мироздания пронизана идеей образа. И знание, особенно высшее (то есть знание о Боге), открывается человеку не в понятиях, но именно в образах и символах — то, что определяется как «символический реализм». Понятийному же мышлению доступна лишь очень ограниченная область знания...

Ярчайшим доказательством тому, является, на мой взгляд, историко-софская концепция Руси, изложенная Иларионом в его впечатлившем и восхитившем Ярослава Мудрого «Слове о законе и благодати».

В медиевистике уже достаточно давно и достаточно прочно утвердилась вполне определенная и, несомненно, справедливая точка зрения на это, можно сказать, «программное» произведение Киевского митрополита: Ярослава Мудрого, скорее всего, привлекло в «Слове» то, что в нем «впервые в отечественной письменности на примере Руси было дано теоретически обобщенное осмысление всемирного исторического процесса. История человечества была воспринята и воплощена Иларионом в событиях становления древнерусской государственности и смены вер в связи с принятием христианства»¹.

Однако кроме этой, скажем так — всемирно-исторической ретроспективы распространения христианства в «Слове...» Илариона выстроена (или, во всяком случае, обозначена) четкая, полная и богословски обоснованная историческая перспектива русской государственности. И если уж говорить о том, что могло столь впечатлить Ярослава Мудрого в проповеди берестовского пресвитера (коль скоро князь добился возведения его на митрополичий престол и коль скоро Иларион стал единомышленником и помощником князя во всех его начинаниях), то это, видимо, как раз та историко-софская концепция Руси, каковая прозвучала в «Слове...» и оказалась, по-видимому, созвучна идеям самого Ярослава Мудрого.

Определенный намек на замысел проповедника дается уже в заглавии «Слова»: «О законе Моисеем даннем и о благодати и истине Иисус Христом бывши. И како закон отиде, Благодеть же и истина всю землю исполни и вера в вся языки простресея и до нашего языка рускаго. И похвала кагану нашему Влодимеру, от негоже крещени быхом, и молитва к Богу от всеа земля наша». А в первом периоде проповеди он развит в своеобразный план-конспект, содержание которого, весьма многозначительно. Думается, далеко не случайно Иларион начинает «Слово...» с ветхозаветной цитаты, смысл которой расширяется за счет общехристианского контекста и вместе с тем корректируется конкретно-исторической ситуацией: «Благословен Господь Бог Израилев, Бог христианский, что посетил на-

род Свой и сотворил избавление ему (Руф.1.6)! Ибо вовсе не допустил творению Своему пребывать во власти идольской тьмы и погибать в служении бесовском» — это, безусловно, сказано о Руси, поскольку далее представлены этапы этого «избавления»: «Но прежде скрижалями и законом оправдал род Авраамов, затем же Сыном Своим спас все народы, посредством Евангелия и крещения путевода (их) в обновление возрождения в жизнь вечную». И снова возвращается к Руси: «Восхвалим же и прославим Его, непрестанно восхваляемого ангелами, и поклонимся Тому, Кому поклоняются херувимы и серафимы! Ибо, призирая, призрел народ Свой и не через посредника, не через ангела, но Сам спас нас, не призрачно прийдя на землю, но истинно, плотию пострадав за нас, — и до смерти! — и с Собою воскресив нас...».

Как видим, уже в первом периоде Иларион изображает Русь как едва ли не единственную актуальную представительницу «всех народов, посредством Евангелия и крещения путеводимых... в жизнь вечную». Далее вся первая часть «Слова», действительно, посвящена раскрытию исторического и богословского смысла крещения Руси, а все «Слово» являет собой величественную апологию Русской земли, влившейся после принятия христианства в семью европейских народов в качестве равноправного ее члена. Но только ли апология равноправия христианской Руси среди прочих христианских государств звучит в «Слове...»?

Для объяснения и доказательства величия и исторической значимости крещения Руси Иларион привлекает обильный богословский и церковно-исторический материал. При этом компоует его так, что перед слушателем разворачивается целый ряд образов-сопоставлений, находящихся в отношениях, так сказать, взаимного символизирования. То есть образов, каждый из которых прообразуется каким-то другим образом и в то же время сам является чьим-то прообразом.

Напомню некоторые элементы этого ряда: родившая Аврааму первенца Агарь — и бесплодная Сарра; Измил — Исаак; Манасино старшинство — Ефремово младшинство; тень — истина; иудаизм — христианство; оправдание — спасение и т. д., что сводится к глобальному противопоставлению закона — благодати, вынесенному в заглавие проповеди. Общий — сквозной — смысл этих противопоставлений состоит в том, что: последний и младший во времени — то есть исторически последний и младший — как показывает священная история, становится первым (благодатным!) и старшим (Исаак, Иаков, Ефрем, христианство, — благодать, спасение!).

Затем Иларион отмечает, что «Благодать Христова, объяв всю землю, ее покрыла подобно водам моря» и, лишь наконец, дошла «до пределов русских», проявившись в деятельности Владимира-Крестителя, к похвалу которому и переходит проповедник.

Но что такое Владимир в истории Руси? — младший (в смысле возраста и права наследования «отчего стола») и худший (в смысле генеалогии, поскольку сын рабыни, «робичич»), что не могли не знать слушатели берестовского священника, а тем более — сын этого «робичича» Ярослав Мудрый. Существенно, что и сам Ярослав был без малого «робичич», поскольку с точки зрения «символического реализма», в категориях которого мыслил средневековый книжник, вряд ли ощущалась принципиальная разница между положением дочери убитого древлянского князя — Малуши, матери Владимира, и положением дочери убитого полоцкого князя — Рогнеды, матери Ярослава.

Так Иларион продолжает священно-исторические аналогии, вписывая в них и начальную историю Руси, в которой, оказывается, тоже последний и младший становится первым и старшим. После этого проповедник смело экстраполирует отмеченную ранее в ветхозаветных образах закономерность на перспективу реально-исторической действительности.

Таким образом, слушателям, «с преизбытком насытившимся книжной сладости» (к которым относился и сам Ярослав Мудрый) становится очевидным и более того — представляется богословски обоснованным то, что Русь как последняя и младшая из держав, принявших христианство, должна, по логике христианской и собственно русской истории, стать его оплотом и хранилищем — первой и старшей! Тем самым Иларион задает тон всей философии истории Руси и выстраивает многовековую ее перспективу.

Мысль, дознанная Иларионом в образах Священной истории, понятно была осмыслена лишь более чем через четыре века (в 1492 г.), когда ее почти дословно повторил митрополит Зосима, заявивший о том, что Москва — новый «град Константина» и русские, «последними» пришедшие к православию, огненные сменяют «первых» — греков. А в начале XVI в. старец псковского Елизарова монастыря Филофей (возможно, автономно от Зосимы) высказает ту же самую идею о Руси как о «третьем Риме» («а четвертому не бывать»). Потом осмысленное и высказанное впервые Иларионом представление о мессианской роли русского государства получит дальнейшее развитие в идее «Святой Руси»...

¹ Мильков В.В. Иларион и древнерусская мысль // Идеино-философское наследие Илариона киевского Т. 2. М., 1986. С. 9.